

УДК 811.16'25

DOI: 10.15593/2224-9389/2018.2.3

Л.И. Чович¹, И. Голушин²

Получена: 05.05.2018

Принята: 28.05.2018

Опубликована: 30.06.2018

¹Панъевропейский университет,
Баня-Лука, Босния и Герцеговина

²Пермский национальный исследовательский
политехнический университет,
Пермь, Российская Федерация

СПЕЦИФИКА ПЕРЕВОДА С РОДСТВЕННЫХ ЯЗЫКОВ (НА ПРИМЕРЕ РУССКО-СЕРБСКОГО ПЕРЕВОДА)

Статья посвящена специфике перевода с родственных языков, а именно с русского на сербский. Анализируются средства исторической стилизации, используемые Д.С. Мережковским в романе «Антихрист (Петр и Алексей)» и способы их перевода на сербский язык. Такими средствами являются архаизмы, историзмы, инверсии, всевременные элементы субстандартного коллоквиального языка, архаические фразеологизмы, устаревшие пословицы и поговорки, а также инверсии. Совокупность названных средств создает цельную словесно-художественную систему данного историософского романа, эти русскоязычные средства и их сербские соответствия и послужили лексическим корпусом, который исследуется в настоящей работе. Проведенный сопоставительный анализ текста исторического романа Д.С. Мережковского и его сербского перевода Николаевичем позволил сделать вывод, что родственная близость пары языков, вовлеченных в процесс перевода, не гарантирует полную переводимость, что в таком переводе возникают те же трудности, какие встречаются и в переводе с неродственных языков. Как правило, это проблемы лингвокультурологического характера, связанные с переводом реалий, фразеологических единиц (ФЕ), пословиц и поговорок, каламбуров, средств исторической стилизации. В ходе анализа было выявлено, что в сербском переводе романа переводчику не удалось передать все приемы исторической стилизации, использованные Д.С. Мережковским, несмотря на его явные попытки воссоздать колорит эпохи, описанной в романе, посредством замены нейтральных слов устаревшими синонимами в случае отсутствия в сербском языке соответствующего архаизма или историзма. Выполненный анализ еще раз показал, что перевод всегда представляет собой своего рода «смысловый сдвиг» вне зависимости от близости/дальности языков, вовлеченных в данную конкретную ситуацию перевода.

Ключевые слова: родственные языки, русский язык, сербский язык, архаизмы, историзмы, фразеологизмы, пословицы, документальные инкрустации, инверсии, переводные эквиваленты, историческая стилизация.

L.I. Chovich¹, I. Golushin²

Received: 05.05.2018

Accepted: 28.05.2018

Published: 30.06.2018

¹Pan-European University,
Banja Luka, Bosnia and Herzegovina

²Perm National Research Polytechnic University,
Perm, Russian Federation

THE SPECIFICS OF TRANSLATION FROM RELATED LANGUAGES (ON THE EXAMPLE OF THE RUSSIAN-SERBIAN TRANSLATION)

This article is devoted to the specifics of translation between related languages, namely from Russian to Serbian. The techniques of historical stylization used by D.S. Merezhkovsky in the novel *Antichrist* (Peter and Alexei) and the ways in which they are translated into the Serbian language are analyzed. Such techniques include archaisms, historicisms, inversion, timeless elements of sub-standard colloquial language, archaic phraseological units, obsolete proverbs and sayings, and inversions. The combination of the aforementioned techniques creates the whole verbal and artistic system of this historiosophical novel; these Russian language techniques and their Serbian equivalents serve as the lexical corpus investigated in this article. The comparative analysis of the text of the D.S. Merezhkovsky's historical novel and of his Serbian language by Nikolayevich allows us to conclude that the close affinity of the languages involved in the translation process does not guarantee complete translatability; such translation has the same difficulties as those encountered in translation of unrelated languages. As a rule, these are linguistic and cultural problems related to the translation of culture-specific concepts, phraseological units, proverbs and sayings, puns, and historical stylization tools. In the course of the analysis it was revealed that in the Serbian translation of the novel the translator was not able to convey all the techniques of historical stylization used by D.S. Merezhkovsky, despite his explicit attempts to recreate the flavor of the historical period described in the novel, by replacing neutral words with obsolete synonyms in the absence of a corresponding archaism or historicism in Serbian. The analysis once again showed that translation always represents a kind of "semantic shift", regardless of the genetic relationship of the languages involved in the specific translation situation.

Keywords: *related languages, Russian language, Serbian language, archaisms, historicisms, phraseological units, proverbs, documentary incrustations, inversions, transferable equivalents, historical stylization.*

В практике перевода различаются переводы с родственных и неродственных языков. В фокусе внимания авторов данной статьи находится перевод с русского языка на сербский язык, когда оба языка являются родственными, так как принадлежат к группе славянских языков. Их грамматическая структура, лексический фонд очень похожи. В русском языке встречается много южнославянских черт, благодаря которым многие сербы, изучая русский язык с нуля, могут без больших проблем понимать его [1]. Казалось бы, что перевод с родственных языков не должен представлять особых трудностей, потому что и лексика, и грамматическая структура в определенной степени аналогичны. Однако анализ текстов оригиналов и их переводов показывает, что это не так. Оказывается, что трудности в переводе литературных текстов с русского языка на сербский и с сербского на русский такие же, как и на любой другой, родственный или неродственный язык. Наиболее часто встречаются трудности, такие как преодоление

культурологических проблем, перевод реалий, фразеологических единиц (ФЕ), пословиц и поговорок, каламбуров, средств исторической стилизации, перевод географических названий, терминов, фамилий и имен.

В статье рассматривается специфика некоторых аспектов перевода художественного текста с русского языка на сербский, в частности, анализируются роман Д.С. Мережковского «Антихрист (Петр и Алексей)» и его перевод на сербский язык, выполненный переводчиком Николой Николаевичем. В данном романе представлен очень интересный пласт русского языка, заключающийся в частотном использовании историзмов, архаизмов, инверсий, фразеологических единиц, пословиц и поговорок, составляющих стержень исторического романа¹. Эту лексику автор использует для создания исторической стилизации. Историческая стилизация тесно связана с идейно-художественным содержанием романа – борьба духа и плоти, христианства и язычества как в мировой истории, так и в душе отдельного человека.

Архаические фразеологизмы, фразеологизмы с архаическими значениями и архаическими грамматическими формами слов, устойчивые выражения с уже не существующими реалиями или вытесненные словами активного словарного фонда, устаревшие пословицы и поговорки – все они вместе представляют собой цельную словесно-художественную систему данной исторической драмы и являются корпусом настоящего исследования.

Выявление функции и занимаемого места в структуре романа средств исторической стилизации является одной из целей данного исследования. Итак, пласты словаря при рассмотрении исторической стилизации в данной статье следующие: архаизмы, историзмы, пословицы, фразеологизмы, следы подлинных исторических документов и инверсии.

Поскольку одной из задач настоящего исследования является и анализ приемов исторической стилизации в переводе на сербский язык романа Мережковского *Антихрист (Петр и Алексей)*, следует обратить внимание на возможные решения этой проблемы. В работах по теории перевода не так часто, как хотелось бы, встречается понятие «историческая стилизация». Причем некоторые ученые, такие как Б. Чович [4], А. Федоров [5], говорят об исторической стилизации как о передаче исторического и национального колоритов, другие – А. Попов [6], Б. Хохел [7] – как об отражении культуры и времени в тексте перевода.

Согласно В.С. Виноградову «переводческая языковая архаизация или темпоральная (временная) языковая стилизация – это сохранение с помощью лексических, морфологических и синтаксических средств связи современного языка перевода с родным языком более ранних эпох с целью создания особого

---

¹ В наших других работах анализировалась проблема русско-сербского перевода диминутивных единиц на материале романа М.Шишкина “Письмовник” и его сербского перевода (см. [2], [3]).

стилистического эффекта соотнесенности с прошлым» [8, с. 142]. Им отмечена относительность данного понятия, «ибо в речь вкрапливаются языковые элементы не какого-то конкретного периода конкретного века, а осуществляются такие отступления от современной нормы, которые представляются несколько архаичными» [8, с. 142]. Таким образом, чтобы создать архаичность, переводчик должен с чувством меры включать в текст устаревшие слова, обороты и синтаксические конструкции, не следует допускать неоправданного использования архаизмов и историзмов.

Использование исторической стилизации необходимо в тех случаях, когда автор использует этот прием в своем произведении для описания действий, событий другой исторической эпохи. И тогда, согласно терминологии В.С. Виноградова, имеет место «диахронический художественный перевод». При переводе необходимо «приблизить время оригинала» (историзация) и попытаться отразить язык эпохи, описываемой в тексте.

На основании вышеизложенного можно заключить, что при переводе художественной литературы архаичность языковых средств связана с коммуникативным намерением автора, и переводчик обязан сохранить ее. Прибегая к приему исторической стилизации художественного текста переводчику следует использовать: стилистически возвышенную лексику; союзы и союзные слова, характерные для языка прошлых эпох; архаичные формы управления; архаичные средства синтаксиса. Основная задача переводчика – это создание адекватного перевода, что и пытался сделать Никола Николаевич – переводчик романа Д.С. Мережковского [9].

После тщательного анализа выбранного корпуса – средств исторической стилизации, использованных Мережковским, общая функция которых – передача колорита исторической эпохи и создание иллюзии достоверности, переходим к подробному рассмотрению этих пластов, представленных уже на первой странице романа.

Начало романа представляет собой встречу царевича Алексея с подьячим Московского Артиллерийского приказа, Ларионом Докукиным, приехавшим из Москвы, ведущим свой монолог с элементами философствования, тем самым предвещая завязку романа. И уже в этом монологе писатель стремится добиться исторического правдоподобия, используя фонетические (*старец*), лексические (*благоутробие, оный, призреть, пожалуй*), семантические (*записки, дачи*) и грамматические (*рублев, увечен, обличение*) архаизмы; историзмы (*фискал, приказные дела*)², устаревшие идиомы, выражающие просьбу (*бить челом*); обращения (*Ваше премилосердное высочество*), устаревшие грамматические формы прилагательных (*нищ, стар, скорбен, и убог, и увечен, и мизерен*), устаревшие

---

² В эпоху Петра 1 *фискал* – должностное лицо надзиравшее за законностью действий правительственных учреждений и лиц, гл. обр. в области финансовой и судебной.

синтаксические конструкции (*нищ есмь, приказных дел нести не могу*) и инверсии (*вины моей, платеж несправедный, старец беззаступный, щедроты свои*):

«И ко обличению вины моей он, фискал, ничего не донес. А только по запискам подрядчиков, которые во многие годы по-небольшому давали, насчитано оных дач на меня 215 рублей, а мне платить нечем. Нищ есмь, стар, скорбен, и убог, и увечен, и мизерен, и приказных дел нести не могу – бью челом об отставке. Ваше премилосердное высочество, призри благоутробием щедрот своих, заступись за старца беззаступного, да освободи от оногo платежа несправедного. Смилуйся, пожалуй, государь царевич Алексей Петрович!» [10, с. 5].

Перевод Николай Николаевичем этого монолога выхолощен, отсутствует большинство элементов архаизации оригинала. Переводчик попытался передать оттенки старины с помощью устаревшей формы глагола – имперфекта *mogaše* и трех инверсий (*krivice moje, za starca nezaštičena, plaćenja nepravednoga*): «A za potvrdu krivice moje ne mogaše nadzornik izneti. Samo po zapisima zakupca, koji su mi kroz duge godine ponešto davali, izračunato da sam primio nekih 215 rublja, pa eto, ne mogu da namirim. Nisam ni za šta, star, ojađen, i ubog, i nagrđen, i bedan, pa ni činovničke poslove ne mogu da vršim, te metanišem i molim za penziju. Smilujte se, Vaše premilostlivo visočanstvo, i zauzmite se za starca nezaštičena da bi me oslobodili plaćenja nepravednoga! Smiluje se, carevču i gospodaru, Aleksije Petroviču!» [9, с. 7–8].

Историческая окраска романа и бесконечная историческая перспектива проявляются в каждой детали повествования. Фрагменты описания исторических элементов быта тех времен предельно реалистичны. Например, «Митька поднял сброшенный *куль* и понес дальше, а Парфен Парамоныч провел рукою по лицу, как будто стирая с него что-то, встал, зевнул, лениво потягиваясь, *перекрестил рот* и проговорил обыкновенным хозяйским голосом, каким, бывало, каждый вечер *говаривал*: – Ну, *молодцы, ступай* ужинать! *Щи да каша простынут*. И опять лавка стала, как лавка – словно ничего и не было. Тихон очнулся, тоже встал, но вдруг, точно какая-то сила бросила его на пол – весь дрожащий, бледный, упал на колени, протянул руки и воскликнул: – *Батюшки родимые!* Сжальтесь, помилуйте! *Мочи моей больше нет, истомилась душа моя, желая во двory Господни! Примите в общение святое, откройте мне тайну вашу великую!.. – Вишь, какой прыткий!* – посмотрел на него Емельян со своей хитрой усмешкой. – *Скоро, брат, сказка сказывается, да не скоро дело делается*. Надо сперва спросить Батюшку. Может, и *сподобишься*. *А пока ешь пирог с грибами, да держи язык за зубами – знай, молчи да помалкивай*. И все пошли ужинать, как ни в чем не бывало» [10, с. 299].

В переводе Никола Николаевич устаревшее слово *куль* заменил современным сербским словом *vreća*, устаревшую грамматическую форму прошедшего времени глагола *говаривал* – современным сербским глаголом прошедшего времени *govorio*, реалии русской национальной кухни *щи* – обще-

употребительным словом *čorba*, и *пирог с грибами* по ошибке заменил словом *kolači³ s pečurkama*, устаревшее выражение «Мочи моей больше нет, истомилась душа моя, желая во двory Господни» с использованием инверсий (мочи моей, душа моя) и устаревших кратких форм прилагательных (дворы Господни) – сочетаниями современного сербского языка, однако сохранив инверсии, не перевел на сербский заключительную фразу *знай, молчи да помалкивай*: «Jemeljan poče da razgleda računске knjige. Mićka podiže i odnese opuštenu vreću, a Parten Paramonić prevuče rukom preko lica, kao da htede nešto da obriše, pa onda ustade, zevnu, protegli se lenjo, prekrsti usta i reče svojim običnim poslovnim glasom, kojim je govorio svake večeri:

– Nuto, momci, da se večera! Ohladiće se čorba i kaša.

I radnja dobi običan izgled, kao da ništa nije ni bilo. Tihon se prenu, pa i sam ustade, ali odjednom kleče kao da ga neka sila obori na pod, pa pruži ruke i zavapi sav dršćući i bled:

– Braćo rođena! Smilujte se! Ja više nemam snage, izmučila se duša moja u želji da dopre u dvore gospodnje! Primite me u vašu svetu zajednicu i otkrijte mi vašu veliku tajnu!...

Gle, kako je brz! – pogleda ga Jemeljan i lukavo se osmehnu. – Bajka se, brate, brzo ispriča; ali, posao se sporo vrši. Moramo najpre da pitamo oca. Možda ćeš biti i dostojan. A dotle jedi kolače sa pečurkama i drži jezik za zubima...

I svi odoše da večeraju, kao da ništa nije ni bilo». [9, с. 528–529].

Роман писателя интертекстуален, аллегоричен. Д.С. Мережковский опирается на фольклорные, языческие и библейские образы, являющиеся как предвестниками, так и активными участниками повествования. Россия Д.С. Мережковского – это старая Русь, с черными избами, несчастным, запутавшимся народом, который ждал то апокалипсиса, то пришествия Спасителя. Одни полны ужаса перед страшным царем-Антихристом и видят выход в смерти, в самосожжении, другие исполнены надежд и веры в Бога и царя-спасителя. Подтекстом темы раскола является старообрядческая легенда о царе-антихристе, темы сектантства – хлыстовская легенда о беглом солдате Даниле Филипповиче, который выбросил священные книги в Волгу и учредил культ самого себя. Тема оборотничества связана с действиями нечистой силы, проявляющейся и в образах воздушной стихии, и в образах персонажей.

Роман испещрен цитатами из молитв, крылатыми выражениями из Библии, фразеологизмами, пословицами и поговорками, русскими народными песнями, что также представляет трудности для переводчика.

---

³ Слово «kolač» по Словарию сербохорватского литературного языка [11] означает «*jelo od pečenog testa, napravljeno od finoga brašna s mlekot, maslom i jajima, obično ispunjeno nadevom (kremom); poslastica ispečena od takvog testa*» («блюдо из запеченного теста, сделано из крупчатки с молоком, маслом и яйцами, обычно наполненное начинкой (пастой); лакомство, выпечено из такого теста.» – перев. И.Г.).

Например: «Все же сие, – говорилось в заключение, – творят нам за имя Господа нашего Иисуса Христа. О, таинственные мученики, не ужасайтесь и не отчаивайтесь, станьте добре и оружием Креста вооружитесь на силу антихристову! Потерпите Господа ради, мало еще потерпите! Не оставит нас Христос, Ему же слава ныне и присно, и во веки веков. Аминь!» [10, с. 6].

В переводе устойчивые устаревшие словосочетания *Все же сие* и *творят нам за имя Господа* заменены современным *Sve ovo* и *činilo radi imena gospoda našega*, потеряв стиль библейского архаического повествования: «Sve ovo – kazivalo se na kraju – činilo radi imena gospoda našega Isusa Hrista. O, tajanstveni mučenici, ne plašite se i ne očajavajte! Imate snage i oružjem krsta naoružajte se protiv sile Antihristove! Trpite, gospoda radi: nećete dugo. Nas Hristos neće ostaviti! Njemu slava sad i u večna vremena. Amin!» [9, с. 10].

Присутствие в исторической повести большого числа историзмов, архаизмов, фразеологизмов, инверсий и пр. значительно усложняет задачу переводчика: верно отразить все их смысловые оттенки, следя за тем, чтобы историческая специфика не осталась за пределами переводимого значения. Восполняя смысловую недостаточность, переводчик часто в контексте использует или другие устаревшие слова, или целые конструкции, формирующие определенный социально-культурный исторический колорит. Некоторые характерные черты описываемой эпохи, отраженные в оригинале, в условиях другой культуры вызывают трудности в понимании и поэтому иногда, вместо точного перевода, необходимы пояснения. Как следствие, в анализируемом романе применяется описательный перевод, являющийся, по существу, не переводом, а толкованием. Также употребление транслитерированной реалии историзма способствует дополнительному осмыслению исторической специфики описываемого момента.

В целом задача передать исторический колорит повести решается в связи с основной целью перевода – ознакомить сербского читателя с произведением русской литературы. Такая цель предполагает использование при переводе в основном средств сербского языка, хотя и с таким отбором словарных элементов, которые в известных случаях позволяли бы соблюсти нужную историческую перспективу. Однако при переводе неизбежны утраты, порождаемые языковыми различиями.

Таким образом, приемы исторической стилизации в романе Д.С. Мережковского «Антихрист (Петр и Алексей)» разнообразны. Устаревшие пласты лексики и фразеологии четко распределяются в зависимости от содержания и структуры романа. Они являются стилистическими маркерами текста. К ним относятся различные виды архаизмов, историзмы, фразеологизмы, пословицы, крылатые выражения из библии, документальные инкрустации, инверсии, выступающие в функции достоверных «голосов эпохи».

В переводе «Антихрист (Петр и Алексей)» Николе Николаевичу, к сожалению, не удалось передать все приемы исторической стилизации, ис-

пользованные Д.С. Мережковским. Но все-таки он пытался каким-то образом воссоздать колорит эпохи, дать речевую характеристику героям, подбирая к нейтральным словам устаревшие синонимы. Имеются, конечно, удачные переводы устаревшей лексики, хорошие решения для передачи исторической стилизации. Вместе с тем достаточное количество переводческих пропусков не только слов, но и целых предложений делает данный перевод беднее, чем оригинал, в связи с чем хочется вспомнить слова А. Шопенгауэра, сравнивавшего оригинал и перевод с кофе и цикорием [12]. Сопоставительный анализ текста исторического романа Д.С. Мережковского с его сербским переводом, созданным Николаем Николаевичем, доказывает, что родственная близость пары языков, вовлеченных в процесс перевода, не гарантирует полную переводимость. Даже в этом случае стоит вопрос культурной и языковой компетенции переводчика, который только обостряется из-за кажущейся схожести языков как на лексическом, так и грамматическом уровнях. Переводчик не замечает смысловых нюансов, отличающих единицы двух родственных языков. Это еще раз нас убеждает в том, что любой перевод – это всегда определенный смысловой сдвиг, который является онтологическим признаком перевода [13]. Величина этого сдвига может варьироваться в зависимости как от объективных факторов (степень родства языков, тип / жанр переводимого текста), так и субъективных (личность переводчика, его переводческая компетенция). В случае с данным переводом можно говорить, с одной стороны, о недостаточной компетентности переводчика, а с другой – можно предположить, что причина переводческих потерь кроется именно в близости русского и сербского языков, которая создает иллюзию легкости перевода.

Список литературы

1. Пипер П. Граматика руског језика у поређењу са српским. – Друго измењено издање. – Београд: Завет, 2005. – 340 с.
2. Голушин И. О способах перевода русских диминутивов на сербский язык (на примере романа М. Шишкина «Письмовник») // Новое и традиционное в переводе и преподавании русского языка как иностранного: материалы Второй Междунар. науч. конф.; Бая-Лука, 16–19.03.2017 / Ин-т славяноведения РАН; Панъев-роп. ун-т «Апеирон», фак-т филол. наук. – Бая-Лука, 2017. – С. 119–124.
3. Голушин И. Диминутив как носитель эмотивного значения: проблема перевода // Вестник Череповец. гос. ун-та. – 2018. – № 2(83). – С. 70–76.
4. Човић Б. Сеобе Милоша Црњанског у контексту модерног руског историјског романа. – Београд, VeDeS, 2001. – С. 141.
5. Федоров А.В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы). – 5-е изд., перераб. и доп. – СПб.: Изд-во филол. фак-та. – СПбГУ; М.: Изд. дом «Филология Три», 2002. – 416 с.
6. Попов Р.Н. Фразеологизмы современного русского языка с архаическими значениями и формами слов. – М.: Высшая школа, 1976.

7. Хохел Б. Время и пространство в переводе // Поэтика перевода. – М.: Радуга, 1988.
8. Виноградов В.С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). – М.: Изд-во Ин-та общ. сред. образования РАО, 2001. – 224 с.
9. Mereškovski D.S. Antihrist. Petar i njegov sin / prevod sa ruskog Nikola Nikolajević. – Beograd, Otvorena knjiga, 2011. – 568 s.
10. Мережковский Д.С. Собр. соч.: в 4 т. Т. 3. – М.: Правда, 1990. – 560 с.
11. Речник српскохрватскога књижевног речника: књига друга Ж-К (косиште) / уређивачки одбор Михаило Стевановић [и др.]. – 2 фототипско изд. – Нови Сад, Загреб: Матица српска, Матица хрватска, 1990. – 867 с.
12. Schopenhauer A. On Language and Words // Theories of Translation: An Anthology of Essays from Dryden to Derrida / ed. by R. Schulte and J. Biguenet. – Chicago, 1992. – P. 32–35.
13. Нестерова Н.М. Категория смысла и перевод: «смысловый сдвиг» как онтологический признак перевода // Вопросы филологии. – 2005. – № 3. – С. 46–52.
14. Оташевић Ђорђе. Фразеолошки речник српског језика. – Нови Сад: Прометеј, 2012. – 1045 с.
15. Фразеологический словарь русского языка / под ред. А.И. Молоткова, 7-е изд., испр. – М.: Астрель, 2006. – 528 с.
16. Menac A. Hrvatska frazeologija. – Zagreb: Knjigra, 2007. – 270 s.

References

1. Piper P. Gramatika ruskog jezika u poređenju sa srpskim. Drugo izmenjeno izdanje. Belgrade, Zavet, 2005, 340 p.
2. Golushin I. O sposobakh perevoda russkikh diminutivov na serbskii iazyk (na primere romana M. Shishkina “Pis'movnik”) [On the methods of translation Russian diminutives into Serbian language (based on the novel “Pismovnik” by M. Shishkin)]. *Novoe i traditsionnoe v perevodovedenii i prepodavanii russkogo iazyka kak inostrannogo: materialy vtoroi Mezhdunar. nauch. konf. Banja-Luka*, 2017, pp. 119–124.
3. Golushin I. Diminutiv kak nositel' emotivnogo znachenii: problema perevoda [Diminutive emotive meaning as a translation problem]. *Bulletin of the Cherepovets State University*, 2018, no. 2 (83), pp. 70–76.
4. Čović B. Seobe Miloša Crnjanskog u kontekstu modernog ruskog istorijskog romana. Belgrade, VeDeS, 2001, 141 p.
5. Fedorov A.V. Osnovy obshchei teorii perevoda (lingvisticheskie problemy) [Fundamentals of the general theory of translation (linguistic problems)]. 5th ed. Saint-Petersburg, Saint Petersburg State University; Moscow, Filologiya Tri, 2002, 416 p.
6. Popov R.N. Frazeologizmy sovremennogo russkogo iazyka s arkhaiskimi znacheniiami i formami slov [Phraseologisms of the modern Russian language with archaic meanings and forms of words]. Moscow, Vysshaya shkola, 1976.
7. Khokhel B. Vremia i prostranstvo v perevode [Time and space in translation]. *Poetika perevoda*. Moscow, Raduga, 1988.
8. Vinogradov V.S. Vvedenie v perevodovedenie (obshchie i leksicheskie voprosy) [Introduction to translation studies (general and lexical questions)]. Moscow, Institute of General Secondary Education, 2001, 224 p.

9. Mereškovski D.S. Antihrist. Petar i njegov sin. / D.S. Mereškovski. Belgrade, Otvorena knjiga, 2011, 568 p.

10. Merezhkovskii D.S. Sobraie sochinenii [Collected works]. Vol. 3. Moscow, Pravda, 1990, 560 p.

11. Rečnik srpskohrvatskoga književnog rečnika: knjiga druga Ž-K (kosište). Uređivački odbor Mihailo Stevanović i dr. Novi Sad, Zagreb, Matica srpska, Matica hrvatska, 1990, 867 s.

12. Schopenhauer A. On language and words. *Theories of Translation: An Anthology of essays from Dryden to Derrida*. Ed. by R. Schulte and J. Biguenet. Chicago, 1992, pp. 32–35.

13. Nesterova N.M. Kategorija smysla i prevod: “smyslovoi sdvig” kak ontologičeskii priznak prevoda [Category of meaning and translation: “semantic shift” as an ontological sign of translation. *Voprosy filologii*, 2005, no. 3, pp. 46–52.

14. Otašević Đorđe. Frazeološki rečnik srpskog jezika. Novi Sad, Prometej, 2012, 1045 p.

15. Frazeologičeskii slovar' russkogo iazyka [Phraseological dictionary of Russian language]. Ed. by A.I. Molotkov, 7th ed. Moscow, Astrel', 2006, 528 p.

16. Menac A. Hrvatska frazeologija. Zagreb, Knjigra, 2007, 270 p.

Сведения об авторах

ЧОВИЧ Лариса Ивановна

e-mail: covicbi@mail.ru

Доктор филологических наук, профессор, Панъевропейский университет «Апеирон», филологический факультет (Баня-Лука, Босния и Герцеговина)

ГОЛУШИН Иван

e-mail: ivangolusin@yandex.ru

Аспирант, старший преподаватель, Пермский национальный исследовательский политехнический университет, кафедра иностранных языков, лингвистики и перевода (Пермь, Российская Федерация)

About the authors

Larisa I. CHOVICH

e-mail: covicbi@mail.ru

Doctor of Philology, Professor, Pan-European University “Apeiron”, Faculty of Philology (Banja Luka, Bosnia and Herzegovina)

Ivan GOLUSHIN

e-mail: ivangolusin@yandex.ru

Postgraduate Student, Senior Lecturer, Perm National Research Polytechnic University, Dept. of Foreign Languages, Linguistics and Translation (Perm, Russian Federation)